

Книжка 64.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ IV

Годъ XVI

1907

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1907.

Туркменскій поэтъ-босьякъ Кёръ-Молла, и его пѣсня о русекихъ.

(Этнографическій набросокъ).

I.

„Кёръ-Молла“, „Шагыръ“, „Кари“¹⁾—подъ этими прозвищами извѣстенъ въ Мервскомъ оазисѣ и даже за предѣлами его Текинецъ отдѣла Утомышъ, подотдѣла Бахшы, рода Топазъ, аула Хырланды, настоящее имя („чин-ады“) котораго Субханъ-верди. Онъ неграмотенъ, и въ 1906 году ему было 30 лѣтъ.

Отецъ Кёръ-Моллы, Эвезъ-берди былъ поэтомъ, и прозвище его было Молла-Сакаръ. Молла-Сакаръ зналъ грамоту и написалъ въ прозѣ и стихахъ исторію текинцевъ, „Теке-намэ“. Книга эта попала въ руки одного кавказца, Тарланъ-бега, который уже умеръ, — и гдѣ она теперь, никому нова неизвѣстно. Что „Теке-намэ“ дѣйствительно была написана, объ этомъ намъ приходилось слышать неоднократно, но ни одного отрывка этого крайне интереснаго сочиненія въ наши руки не попало.

Братъ Кёръ-Моллы, какъ и отецъ, грамотенъ.

До 25-лѣтняго возраста Субханъ-верди жилъ въ своемъ аулѣ и занимался хлѣбопашествомъ. Въ 25 лѣтъ онъ сталъ народнымъ пѣвцомъ, „бахшы“,²⁾ а нынѣ уже извѣстенъ подъ именемъ „шагыра“, поэта, импровизатора. До 25 лѣтъ Кёръ-Молла, по его признанію, стиховъ вовсе не сочинялъ. Вступить въ профессію „бахшы“ Субханъ-верди побудили, вѣроятно — его склонность къ празднои жизни, сиротство (отецъ его въ то время уже умеръ), заманчивость профессіи, члены которой всегда могутъ имѣть даровой лавомый кусокъ и довольно часто

¹⁾ Шагыръ = арабскому ша'ыр, „поэтъ“, а кари по-арабски значить „чтець“.

²⁾ По-туркменски бахшы — только „народный пѣвецъ“, а по-казакъ-киргизски баксы (= бакшы) — „знахарь“. О другихъ значеніяхъ этого санскритскаго слова см. въ словарѣ Будагова.

новый, хотя и неважный, халатъ и другіе подарки, — но, главнымъ образомъ, пожалуй, то обстоятельство, что Субханъ-верди сталъ слѣпнуть и терять способность управлять сохой. А матеріаловъ, потребныхъ для „бахши“, т. е. прежде всего популярныхъ пѣсенъ разныхъ туркменскихъ поэтовъ, начиная съ Махтумъ-Кули, ¹⁾ и пѣсенныхъ отрывковъ изъ распространенныхъ по всему мусульманскому востоку романтическихъ поэмъ въ родѣ „Іосифа и Зудейхи“, „Зехра и Тагыра“, затѣмъ сказокъ, анекдотовъ, пословицъ, прибаутокъ и загадокъ ²⁾ — въ богатой памяти головѣ Субханъ-верди къ 25 лѣтамъ накопилось достаточно, несмотря на то, что онъ неграмотенъ: до чего бываетъ развита память у неграмотныхъ сказителей всѣхъ народовъ, хорошо извѣстно. Сыну грамотнаго поэта и брату грамотнаго муллы записаться всѣмъ нужнымъ для „бахши“ было еще удобнѣе.

Что касается творческаго дара Кёръ-Моллы, то онъ у него весьма и весьма скромнѣе, и, не будь Субханъ-верди „терьяк-кешемъ“, не кури онъ оніума, такъ раздражающаго фантазію человѣка, — возможно, что онъ вовсе не былъ бы и „шагиромъ“. Не говоря уже о томъ, что всѣ произведенія Кёръ-Моллы — у насъ ихъ записано 17, но это не все — исключительно подражательныя, — такова вообще туркменская поэзія, какъ часть джагатайскаго, — и подражатель-то Кёръ-Молла далеко не выдающійся. Этимъ, однако, онъ тоже интересенъ, какъ одинъ изъ большинства, изъ средней массы туркменскихъ пѣвцовъ-импровизаторовъ.

Кёръ-Молла, собственно, не поетъ свои произведенія, а декламируетъ нараспѣвъ.

Онъ уменъ, остроуменъ, язвительнъ. Большой циникъ. Весьма неряшливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ средняго роста; выразительное лицо изрыто оспой и покрыто желтизной; лѣвый глазъ едва видитъ, а правый почти совсѣмъ уже ослѣпъ, —

¹⁾ Объ немъ см.: 1) Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, 1842 г. стр. 389—394; Березинъ, Турецкая Хрестоматія, 1857 г., т. II, вып. 1; Вакулинъ, Пѣсни у туркменъ и поэты ихъ Махтумъ—Кули (Изв. Кавказск. Отд. Р. И. Географич. Общ., т. I, 1872—3 гг.); Vambéry, Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's (Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. 33).

²⁾ О туркменскихъ пословицахъ и поговоркахъ см.: Агабековъ, Учебникъ туркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ туркменъ вакаспійской области, Асхабадъ, 1904; объ ихъ загадкахъ см.: Текинскія загадки (Туркестанскія Вѣдомости, 1906 г., № 141).—Последняя замѣтка написана нами.

отсюда и прозвище „Кёръ-Молла“, „Слѣпой Мулла“¹⁾. Субханъ-верди заболѣлъ глазами лѣтъ 10 тому назадъ, и ни туркменскіе знахари („табибъ“, онъ же часто и кузнецъ, „уста“), ни русскіе врачи ему, по его словамъ, не помогли, вѣришь же, по нашему, что онъ, какъ терьяк-кешъ, плохо лечился.

Глазныя болѣзни, какъ извѣстно, страшно распространены среди туркменовъ, но и удачно излечиваются нашими врачами, если больные серьезно и терпѣливо относятся къ лѣченію. Среди всѣхъ закаспійскихъ туркменовъ отъ Аму-дарьи до Астрабада пользуется извѣстностью и довѣріемъ мервскій глазной докторъ Г. В. Епинатьевъ, котораго туркмены зовутъ просто „гёз-дохторъ“...

Растительность на лицѣ Кёръ-Моллы весьма слабая. Волосы на головѣ, вопреки мусульманскому закону, запущены; въ нихъ уже проглядываетъ преждевременная сѣдина. Какъ мы замѣтили, Кёръ-Молла не носитъ, въ отличие отъ своихъ единокѣрцевъ, тюбетейки („тагья“), а прямо мохнатую рыжую барашковую туркменскую папаху („тельпек“)²⁾. Здѣсь проглядываетъ небреженіе, можетъ быть, демонстративное, обрядовой стороною своей религіи. Поверхъ грязной бѣлой рубахи и такихъ же штановъ („кёшекъ“ и „балакъ“) надѣтъ грязный, рваный, ватный халатъ („пахта-дон“), подвязанный вмѣсто кушака скрученнымъ грязнымъ ситцевымъ платкомъ („яглыкъ“). На босыхъ въ болячкахъ ногахъ — стоптанныя туфли („коушъ“). Въ рукѣ кривая палка... Такимъ мы видѣли его въ первый разъ, 3 сентября 1906 года въ агыр-башскомъ (колѣно рода бегъ отдѣла тохтамышъ) аулѣ, что въ мѣстности Перренгъ-чага, подъ самымъ Мервомъ.

Болѣе чѣмъ скромный видъ—у всѣхъ бахши средней руки, но бѣдность Кёръ-Моллы — отъ его страсти къ опиуму. На это зелье идутъ всѣ его заработки и деньгами, и вещами,—все, что ему перепадаетъ въ чай-ханахъ и вертепахъ Мерва и на „той“

¹⁾ Если имя Молла указываетъ на духовный санъ, то ставится въ началѣ полного имени лица, напримѣръ, Молла — Сабиръ, а если это имя является только прозвищемъ, даннымъ не духовному лицу, то оно ставится въ концѣ полного имени лица; напр., Кёръ — Молла. Надо еще замѣтить, что у туркменовъ, собственная школа которыхъ (мектебъ, медресе)—чисто духовнаго направленія, всякій грамотный является уже и моллой, а отсюда и двойное значеніе слова молла: „духовное лицо“ и „грамотный человѣкъ“.

²⁾ Тельпеки бываютъ разныхъ цвѣтовъ: черные, бѣлые, рыжіе. Есть разница въ формѣ тельпеконъ мервскаго и ахальскаго: послѣдній выше. Намъ объясняли, что мода носить высокія папахи перенята ахальцами у милиціонеровъ туркменскаго дивизіона, а послѣдніе подражаютъ нашимъ казакамъ.

яхъ“, т. е. народныхъ торжествахъ въ аулахъ. Оттого у него и болѣзненный, нервный видъ. Онъ не сидитъ спокойно: если онъ не въ терьякъ-ханѣ, то во рту у него все-же шарикъ опиума и зеленый жевательный табакъ („нас“); лицо подергиваетъ, руки постоянно въ движеніи, — то онъ чешется, то что-нибудь крутитъ между пальцами. Душа его часто вступаетъ въ бесѣду съ Богомъ, ибо онъ всегда болѣе чѣмъ сытъ. Онъ безустали плюется зеленой отъ жевательнаго табаку слюной и тѣмъ дѣлаетъ свое присутствіе въ кибиткѣ („оі“) или саклѣ („там“) крайне стѣснительнымъ для ихъ хозяевъ...

Несчастный видъ поэта и умное выраженіе его лица (вѣдь не одни глаза могутъ придавать лицу то или другое выраженіе!) побудили насъ спросить его: пріятна ли, по его мнѣнію, чело-вѣческая жизнь? на что онъ отвѣтилъ стереотипной мусульманской фразой: „бу дуньѡ бивепа! Баки дуньѡ — о!“ т. е. „эта жизнь ненадежна! Вѣчна жизнь — та!“. И при этомъ онъ показалъ рукой на небо. Мы дальше спросили, доволенъ ли онъ все-таки *своей* жизнью, а онъ отвѣтилъ: „Если я и недоволенъ буду, то что смогу подѣлать?! Я не могу не быть довольнымъ Божьимъ предопредѣленіемъ, теждир'омъ!“...

До насъ никто не записывалъ произведеній Кюръ-Моллы. Не только для того, чтобы побольше отъ него „выудить“, но и искренне подъ первымъ впечатлѣніемъ желая прочной памяти его не столь ужъ въ сущности цѣннымъ для широкой публики пѣснямъ, — мы сказали Кюръ-Моллѣ, что ему слѣдовало бы давать ихъ записывать, а то онѣ умрутъ вмѣстѣ съ его смертью, — но онъ въ отвѣтъ промолвилъ: „а ну ихъ къ чорту!“ — „Какой симпатичный философъ“, подумали мы тогда, впоследствии же намъ пришлось разочароваться: диктуя свои произведенія, поэтъ настойчиво требовалъ, чтобы передъ каждой пѣсней отмѣчалось: „газаль-и-Кюръ-Молла“, или „пѣсня Кюръ-Моллы“. Непріятное впечатлѣніе неволью создавалось отъ разлада между возвышеннымъ, мистическимъ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ исполнявшихся имъ пѣсенъ и той грубой прозой, которой онѣ прерывались и сопутствовались: жеванье табаку, плеванье, почесыванье, отрыжка, циничная ругань, если забудется стихъ... Не хотѣлъ ли поэтъ такимъ поведеніемъ показать неуваженіе, преврѣненіе въ этому обманчивому міру, приходило намъ на мысль и мы вспоминали при этомъ, какъ на старомъ Афонѣ, въ 1900 году, монахи наивно-искренне рассказывали намъ про одного подвижника: „вотъ какимъ униженіемъ подвергалъ себя этотъ святой человекъ въ сей жизни, чтобы быть вознесеннымъ

въ жизни будущей: онъ напивался дѣпьяна, валялся по землѣ и ругался свѣрными словами на глазахъ у всей братіи! "...

Спеціальность Кѳръ-Молла, какъ поэта — пѣсни хвалебныя, панегирики и хулительныя, сатиры. Онъ восхваляетъ народныхъ героев ближайшаго прошлаго и народныхъ благодѣтелей современности, въ чемъ сказывается, между прочимъ, его туркменскій патриотизмъ; онъ поетъ хвалу тѣмъ, кто дѣластъ ему подношенія; онъ прославляетъ знаменитыхъ коней, столь любимыхъ туркменами, — побѣдителей на скачкахъ; чай — этого неизмѣннаго спутника туркменскаго вейфа; мальчиговъ-бачей, которыми соблазняютъ городскіе притоны наименѣ стойкихъ изъ чистыхъ еще душой сыновъ степей. Хулу свою Кѳръ-Молла направляетъ на невѣрныхъ, или на тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые жестоко обращаются со своей меньшей братіей, или же, наконецъ, на тѣхъ, кто просто не угодилъ поэту.

Постояннаго пристанища Кѳръ-Молла не имѣетъ. Если онъ не въ аулахъ, гдѣ какое-нибудь торжество, то въ городѣ Мервѣ, — на базарѣ, въ чайныхъ, въ притонахъ. И для каждаго мѣста и случая у него имѣется подходящий жанръ. Для вертеповъ — порнографическій, въ смѣшанномъ, восточно-европейскомъ духѣ, какъ и должно быть въ полувосточныхъ, полугерманскихъ городахъ Туркестана. Цинизмъ Кѳръ-Молла, его распущенность, его босячество пожалуй, главное его отличіе. Въ остальномъ, какъ мы замѣтили, онъ является довольно типичнымъ туркменскимъ пѣвцомъ — импровизаторомъ средней руки¹⁾.

II.

Первая пѣсня, которую исполнилъ для насъ Кѳръ-Молла, была „Пѣснь о Кошутъ-хайдъ“. Въ воротенькомъ прозаическомъ предисловіи къ этой пѣснѣ поэтъ выразился о себѣ такъ: „черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти (Кошутъ-хана) объявился нѣкій поэтъ, очень-то отъ Бога не кормящійся, народомъ питаемый, — по имени Кѳръ-Молла“. Пѣсня эта воспѣваетъ двухъ текинскихъ героев второй половины XIX вѣка, Кошутъ-хана и его спод-

¹⁾ Не беремся судить, поскольку на Кѳръ-Молла сказалося вліяніе средне-азиатскаго монашества, „дервишей“. Яркимъ полубогданымъ типомъ такого средне-азиатскаго „святого отца“, память котораго весьма чтится населеніемъ, является Мешребъ. Съ его оригинальными своей нескромностью подвигами можно познакомиться по статьямъ: Н. С. Лыкошина, *Диван-и-Машрабъ* (Туркест. Вѣдомости за 1901—1902 г.г.) и М. Гартмана, *„Meşreb, der weise Narr und fromme Ketzer. Ein zentralasiatisches Volksbuch“* (Der islamische Orient, Band I, Berlin, 1905).

вижника Аманъ-Сахатъ-сердара, прославившихся войнами съ персами (особенно 1860 года подъ Мервомъ) и хивинцами (особенно 1855 года подъ Серахсомъ, гдѣ тогда погибъ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эминъ) ¹⁾.

Какъ известно, во всей Закаспійской области и въ частности въ Мервскомъ оазисѣ вопросъ о водѣ является самымъ насущнымъ, первостепеннымъ вопросомъ; какъ-бы хороша ни была земля, а если ее нечѣмъ оросить,—она не имѣетъ никакой цѣны для тѣхъ изъ туркменовъ, которые существуютъ земледѣлемъ, а таковыхъ въ 1900 г. было уже 80% ²⁾. И потому вполне естественно, что вода, равно какъ и лица, близко стоящіе къ дѣлу орошенія, играютъ видную роль и въ поэзіи Кюръ-Моллы. Нами записано двѣ пѣсни, восхваляющихъ тохтамышскаго „пенджуара“, или надсмотрщика за Кошутбендской плотиной на Мургабѣ, Гарри-бега, сына еще здравствующаго „пенджуара“ времени самого Кошутъ-хана, Рамазанъ-хана. Одна пѣсня посвящена Гарри-Кызыль-пенджуару, двѣ пѣсни—прорыву и восстановленію Кошутъ-ханъ-бенда; въ первой изъ двухъ послѣднихъ пѣсенъ порицается жестокость „старшины и пенджуара“ Куль-хана и русскаго техника (сехникъ-баяръ), безпощадно каравшихъ нерадивыхъ работниковъ.

Въ остальныхъ изъ записанныхъ нами пѣсенъ воспѣваются: Юсупъ-ханъ, сынъ знаменитыхъ супруговъ Нур-берди-хана и Гуль-Джамаль ³⁾; Гарри-хашъ, сынъ Юсупъ-хана; Мел'атъ,

¹⁾ Данныя по новѣйшей мервской исторіи см.: Алихановъ, „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему“. СПБ. 1883 г.; Алихановъ-Аварскій (тотъ-же авторъ), „Закаспійскія Воспоминанія (Вѣстникъ Европы, томъ V, 1904 г.); O'Donovan, The Merv oasis, т. II, гл. XXXIX; Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, СПБ. 1903 г. стр. 32.

²⁾ О. А. Михайловъ, Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь, Асхабадъ, 1900 г., стр. 60. Съ земле-водопользованиемъ туркменовъ можно познакомиться по трудамъ: Матеріалы по землеводопользованію въ Закаспійской области, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской области, генераль-лейтенанта Д. И. Суботича, Асхабадъ, 1903; Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области, собр. Я. Таировымъ, Спб. 1904.

³⁾ Французскій профессоръ Cahun въ своемъ интересномъ, но мало-научномъ трудѣ „Introduction à l'Histoire de l'Asie“, Paris, 1896 г. пустилъ слѣдующую сплетню про эту выдающуюся туркменскую женщину: „Chez les Turcomans de l'Oxus, restés si fidèles au vieux droit coutumier, on a vu, récemment, la veuve du chef des Turcomans Tekké transmettre régulièrement ses pouvoirs territoriaux et politiques à la Russie, par mariage (курсивъ нашъ!) avec le colonel russe Ali-Khanoff, sans qu'aucun de ses sujets ait soulevé motif d'opposition“ (стр. 65). Источники не указаны! См. собственные показанія одной изъ жертвъ этой сплетни въ цитованныхъ выше „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“.

сказочный вонь ахальца Аширь-Кечэ; неизвестная красавица, которая въ слѣдующей пѣснѣ уже поносится, на чемъ свѣтъ стоитъ, ибо чѣмъ-то прогнѣвила поэта; чай и, наконецъ, мальчики-бача. Двѣ пѣсни являются подражаніемъ мистическимъ стихотвореніямъ Махтумъ-Кули.

Пѣсня, которую намъ сообщилъ Кюрь-Мола не безъ колебаній, и которую мы ниже приводимъ въ переводѣ, называется „Пѣсня о русскихъ“. Она сочинена въ архи-турецкой формѣ 11-слоговыхъ четверостишія, приспособленныхъ къ арабско-персидской формѣ „муребба“ ¹⁾, числомъ 12; совершенно лишена поэтическихъ достоинствъ; построена довольно нескладно, неискусно; не вездѣ легко понимается какъ потому, что изъ-за стиха поэтъ не всегда ясно выражаетъ свою мысль, такъ и потому, что поэтъ высказывается больше намеками; но при всемъ томъ пѣсня эта весьма интересна по содержанію.

Подъ идолами II четверостишія разумѣются иконы. Ушастыя собаки того-же четверостишія — дивовинка для туркменовъ, имѣющихъ обыкновеніе подобно нашимъ крестьянамъ обрубать уши у своихъ собакъ. Хотя и у туркменовъ, плохихъ мусульманъ, положеніе женщины не такъ низко, какъ у другихъ ихъ единовѣрцевъ ²⁾, но все-таки русскіе на ихъ взглядъ слѣшкомъ ужъ много даютъ воли своему слабому полу, на что намекаетъ 3-й стихъ все того-же II четверостишія. Насчетъ „водки—вина“ IV четверостишія справедливость требуетъ замѣтить, что и до прихода „невѣрныхъ“ „правовѣрные“ туркмены не всѣ были трезвенниками ³⁾. Стихи 1—3 четверостишія V заимствованы у Махтумъ-Кули. Данные о неоконченной вѣрности Кошутъ-

¹⁾ Несовершенство формы этой пѣсни состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что не выдержано единства рифмы 4-аго стиха всѣхъ 12 четверостишія, какъ это полагается въ „муребба“.

²⁾ См. цитованную выше брошюру Михайлова, стр. 51.

³⁾ „O'Donovan, The Merv oasis“, t. II, стр. 130: „Opium smoking and arrack drinking are the common and wide-spread vices. In fact, the Mervli are Mussulmans in very little more than name“. Шинкарями въ свободномъ Мервѣ были евреи. Посудой при Donovanѣ служили бутылки изъ-подъ содовой воды съ русскими ярлыками. Бутылки попадали въ Мерв изъ Хивы и Бухары, а водка дѣлалась на мѣстѣ евреями по имени Matthi (стр. 285). Прошлое—на отвѣтственности отважнаго англичанина, нынѣ-же пьянство среди туркменовъ мы наблюдали только въ самыхъ скромныхъ разбѣрахъ, только какъ исключеніе. Какъ всюду въ средней Азии. и у туркменовъ съ приходомъ русскихъ мусульманство сдѣлало, повидимому, замѣтные успѣхи. Это хорошо, поскольку отъ этого становится лучше народъ, и это плохо, поскольку съ успѣхами правовѣрія растетъ темное вліяніе своекорыстнаго духовенства.

хана (VI четверостишіе) собраны покойными О' Донованомъ и Алихановымъ-Аварскимъ ¹⁾. Въ поясненіе 2—3 стиховъ того-же четверостишія и 1-аго стиха X четверостишія слѣдуетъ указать, что по убѣжденію текинцевъ Коушуть-ханъ былъ отравленъ авганско-англійскимъ шпіономъ („эмиссаромъ“), извѣстнымъ подъ именемъ „Сіяхъ-поша“; взявшись лѣчить болячку на ногѣ хана, шпіонъ впустилъ будто-бы въ тѣло хана ядъ на остріѣ хирургическаго инструмента ²⁾. Упомянутое, начиная съ VI четверостишія, Коушуть-хана, приведеннаго текинцевъ въ 50-ыхъ годахъ XIX вѣка изъ Серахса въ Мервь и бывшаго послѣднимъ выдающимся правителемъ мервскихъ текинцевъ, а также Нуръ-берди-хана (X четверостишіе), послѣдняго славнаго правителя ахальскихъ текинцевъ—оба они умерли до прихода русскихъ въ Ахаль и Мервь—³⁾ звучитъ какъ-бы сожалѣніемъ, что ханы эти не дожили до появленія новыхъ завоевателей: только они, „опоры мусульманства“ и могли-бы отстоять родину! Стихъ 3-ій VII четверостишія передаетъ поговорку, извѣстную и казакамъ-киргизамъ; ее произносятъ, когда хотятъ сказать, что времена измѣнились въ худшему ⁴⁾. Та-же мысль,

¹⁾ The Merv oasis, т. II, 143; Мервскій оазисъ гл. IV, стр. 51.

²⁾ О „Сіяхъ-пошѣ“ см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“, стр. 89, 104, 445, 446, 451, 453, 454, 455, 456, особенно двѣ послѣднихъ страницы. Пенджуръ, т. е. надсмотрщикъ за плотиной временъ Коушуть-хана, Рамазанъ-ханъ (80 лѣтъ; нынѣ живетъ на покой у мѣста своей бывшей службы, на Коушуть-бендѣ), дѣлясь съ нами своими воспоминаніями, упомянулъ, что Коушуть-ханъ и его современникъ Абдулла-Ишанъ (медресъ его имени находится въ аулѣ Гѣкча) умерли отъ лекарствъ какого-то англичанина. Если это былъ дѣйствительно Сіяхъ-пошъ, то является вопросъ, точно-ли онъ появился въ Мервскомъ оазисѣ только въ 1882 году, какъ показываетъ Алихановъ (стр. 455)? Вѣдь Коушуть-ханъ умеръ въ 1878 году! Мы постараемся выяснитъ это въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ работъ о Мервѣ.

³⁾ Коушуть-ханъ умеръ въ 1878 г. (По Алиханову, Воспоминанія, стр. 87; по О' Доновану, Merv-oasis, II, стр. 122). Его характеристику и его заслуги см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“, стр. 87. Нуръ-берди-ханъ умеръ въ 1880 г. (по Алиханову, тамъ-же, стр. 88; по Гродекову, Война въ Туркменіи, т. I, стр. 71). Его біографію съ нѣкоторыми хронологическими опечатками см. въ названномъ сочиненіи Н. И. Гродекова, стр. 67—71.

⁴⁾ См. Готовицкій и Пфеннигъ, „Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ“ (Этнографич. Обзоріе, III, 73). Изъ пѣсни по умершемъ мужѣ: „Время измѣняется; ишакъ сталъ перегонять быстрога бѣгуна“.—Ишакъ у туркменовъ принадлежитъ къ числу „неблагородныхъ“ животныхъ, и слово ишакъ является браннымъ на ряду съ именами другихъ животныхъ: собаки (итъ), свиньи (донгузъ), верблюды (дѣд); сюда-же относятся: собачій сынъ (ит-оглы), свинячій сынъ (донгузъ-оглы). Въ ходу у туркменовъ ругань: эшек-эрмени (осель-армяшка), которую отгѣтилъ и О'Донованъ (цитованное сочиненіе, т. II, стр. 406).

повидимому, выражена и во 2-омъ стихѣ IX четверостишія. Въ противоположность умершимъ героямъ поэтъ невысокаго мнѣнія о своихъ современникахъ; противоположеніе это ярко резюмировано въ 1—2 стихахъ VIII четверостишія (см. также четверостишія III и IV). Красноголовыми (VIII четверостишіе) не одни только туркмены называютъ персовъ, имѣющихъ обыкновеніе, какъ извѣстно, красить себѣ волосы; своихъ южныхъ сосѣдей туркмены зовутъ еще „пюрсіанъ“, „веляегъ“ и просто „вуль“; второй терминъ изъ трехъ послѣднихъ мы должны понимать какъ „люди, подчиненные власти“ въ противоположность „туркменчлянъ“—„турменству“ (равно нашему „казачеству“), т. е. людямъ ни отъ кого независимымъ, каковыми были нѣкогда сами туркмены. Третье названіе значить „рабъ“; оно обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что персы являлись для туркменовъ до прихода русскихъ прежде всего „живымъ товаромъ“, объектомъ работоторговли ¹⁾. Стихъ 1-ый XI четверостишія, надо полагать, заключаетъ въ себѣ намекъ на побѣду Коушуть-хана надъ персами въ 1860 г., когда дѣйствительно сильно упала цѣна на персидскихъ рабовъ,—такъ много попало ихъ тогда въ текинскій плѣнъ ²⁾.

¹⁾ Ср.: „Histoire générale du IV siècle à nos jours“ par Lavissee et Rambear т. I, стр. 706: такъ какъ къ IX вѣку западные славяне были порабощены германцами, то „dès 828, le mot de Slave (sclavus) est employé comme synonyme de serf“. Здѣсь имя народа стало нарицательнымъ, а у туркменовъ нарицательное имя стало именемъ народа.

²⁾ Закаспійскія воспоминанія, стр. 88: „Цѣна на рабовъ спала съ 300 р. на 5“.

Пѣсня о русскихъ.

- I. Если долго среди насъ останется эта нація,
Мало-по-малу она нашъ народъ отъ вѣры отлучить!
„Джиннамъ“ словно подобныя, какъ свиньи..... ¹⁾
Мало-по-малу нашъ народъ отъ вѣры отлучать!
- II. Бога они не вѣдаютъ, идоловъ признаютъ!
При себѣ ушастыхъ собаекъ допускаютъ!
У самихъ воли нѣтъ,—женщинъ признаютъ!..
Отъ старѣйшихъ, отъ святыхъ они (насъ) отлучать!
- III. Нѣкоторые (изъ нашихъ) спѣсиватся, медали навѣсивъ, —
Половина ихъ весьма легки, что ихъ наваливаютъ!
Нѣкоторые (изъ нашихъ) отъ вѣры отступаютъ, предъ
идолами преклоняясь...
Насъ ото всѣхъ мусульманъ отлучать!
- IV. Половина (нашихъ) собственный стыдъ теряютъ,
Половина отъ сладостной души отказываются,
Неправду говорятъ, „воду-вино“ пьютъ!..
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавить, друзья!
- V. Богатство фальшиво у скупыхъ богачей!..
Глаза ницого не насытятся, сколько онъ ни броди по
народу!..
Пока не умрешь, неси службу Богу!..
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавить, друзья!
- VI. Неоконченной осталась Кошутъ-ханова крѣпость...
Самъ онъ ушелъ, постигла его черная бѣда,—
Что на острѣв иголы Сіяхъ-пошевой—пуля!
- VII. Нѣсколько лѣтъ воевали (русскіе), взяли Ахаль.
Кошутъ-хану не суждено было удержать невѣрныхъ!..
„Осель сталъ дороже лошади“!
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавить, друзья!
- VIII. Взятчики для собственной особы (чужой) халатъ ста-
свивали,
А тотъ Кошутъ-ханъ изъ-за вѣры исламской душой
болѣлъ.

¹⁾ Вотъ какъ нѣкогда, по словамъ генерала Гродекова, представляли себѣ туркмены русскихъ: „Брана у русскихъ нѣтъ, также какъ нѣтъ и семьи. Солдаты разводятъ табунами женщинъ, въ которые пускается нѣсколько рослыхъ, сильныхъ и храбрыхъ мужчинъ. Остальные же мужчины, входя къ какой-нибудь женщинѣ, должны передъ входомъ втыкать палку и вѣшать на нее шапку, чѣмъ и даютъ знать другимъ, что мѣсто уже занято“. (Война въ Туркменіи, т. I, стр. 86).

До прихода русскихъ — „красноголовыхъ“ много онъ (на себя) перенесъ!

Еще Кошутъ-ханъ придетъ, друзья!..

- IX. Вслѣдъ за Ахаломъ взяли (русскіе) Мервъ,
За наши веревки для жеребятъ привязали ословъ своихъ!..
Никто не займетъ Кошунъ-ханово мѣсто!
Еще Кошунъ-ханъ придетъ, друзья!

- X. У Кошунъ-хана на ногѣ появилась болячка...
Столько лѣтъ онъ, какъ перомъ писалъ, рѣзалъ невѣрныхъ!..

Народа предводитель, о, Нуръ-берди!..

Еще Кошутъ-ханъ придетъ, друзья!

- XI. Подешевѣла цѣна на „красноголовыхъ“...
Ахальскую крѣпость наполняетъ пушечный дымъ...
Тѣ два хана — столпы мусульманства!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!

- XII. Чѣмъ дальше, все увеличиваются мученія Кюръ-моллы!
Не можетъ быть для невѣрныхъ пріятной жизни!
Когда они отправятся (на тотъ свѣтъ), развернутся (предъ ними) адовы врата!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!..

Для предупрежденія разныхъ кривотолковъ мы считаемъ своимъ долгомъ подчеркнуть въ заключеніе широко и твердо господствующій среди туркменовъ взглядъ на новую стадію ихъ исторіи, положившую начало кореннымъ измѣненіямъ въ ихъ быту. Разумно перешагивая чрезъ немалочисленные недочеты закаспійской современности, туркмены искренне заявляютъ: „однимъ отживающимъ свой вѣкъ старикамъ, бредящимъ еще былой бездѣятельной свободой и былыми быстро обогащавшими разбоями — аламанами, (да лицемѣрнымъ ханжамъ, прибавимъ мы отъ себя) не въ могу помириться съ новой жизнью, которая требуетъ постояннаго, мирнаго труда и которая только за такой трудъ вознаграждаетъ“.

Туркмены несомнѣнно приспособились къ новой жизни, имѣютъ свѣтлое будущее и, можно надѣяться, не дадутъ сбыться мрачнымъ пророчествамъ, нѣбогда про нихъ пущеннымъ въ обращеніе ¹⁾.

А. С—чъ.

¹⁾ „Война въ Туркменіи“, т. I, стр. 87. Иначе: Михайловъ, Туземцы Закаспійской области, стр. 78—79.

~~М 69~~ М 136 212-13
50 43 119 ф. 5 Ко 200

ЖИВАЯ СТАРИНА.

составлена В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XXI.

Выпускъ I.

1912.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

У французовъ, укушенный змѣей (или бѣшеной собакой) ищетъ защиты у св. Губерта¹⁾. Возможно, что и здѣсь вліяніе иконографіи. Св. Губертъ изображается съ копьемъ²⁾. Тамъ даже выработалось новое предохранительное средство: въ часовнѣ св. Губерта трутъ хлѣбъ о его статую и потомъ сѣбдаютъ этотъ хлѣбъ. Предохраняетъ будто бы отъ укуса³⁾.

Н. О. Познанскій.

Туркменскіе заговоры.

(Посвящается С. В. и М. Т. Костенко).

I.

Еще въ первую свою поѣздку къ закаспійскимъ туркменамъ, въ 1902 году, я записалъ въ асхабадскомъ уѣздѣ три заговора на туркменскомъ языкѣ: одинъ заговоръ отъ укуса змѣи и два — отъ укуса фаланги, но я медлилъ съ ихъ опубликованіемъ, такъ какъ не могъ дать полного ихъ перевода на русскій языкъ. Теперь я рѣшилъ издать ихъ по-туркменски въ сопровожденіи лишь приблизительнаго перевода, пользуясь тѣмъ случаемъ, что въ настоящемъ выпускѣ Живой Старинны помѣщена статья доктора Демича «О змѣй въ русской народной медицинѣ», касающаяся, между прочимъ, и вопроса о заговорахъ (стр. 53—55)¹⁾. Въ послѣдующія поѣздки въ Среднюю Азію, 1906 и 1908 годовъ, и въ нынѣшнюю поѣздку къ туркменамъ и ногайцамъ Ставропольской губерніи мнѣ не привелось ничего болѣе собрать по части заговоровъ, хотя я и видѣлся въ 1908 г. въ Хивѣ съ чаудурскимъ шаманомъ (пурхан) и хотя я и слышалъ этимъ лѣтомъ отъ ставропольскихъ туркменовъ о томъ, что у нихъ имѣются заговоры, подобные записаннымъ мною у текинцевъ Ахала: мнѣ былъ названъ заговоръ противъ фаланги — «мѣ оку»²⁾.

1) Кстати, считаю не лишнимъ отмѣтить, что легенда о ласточкѣ и змѣѣ, изложенная въ статьѣ г. Демича по прибалтійской версіи (стр. 48), приведена въ Живой Старинѣ (годъ 1910, стр. 272) по хивинской версіи со ссылками на крымскую и османскую, а въ Этнографическомъ Обзорѣніи (годъ 1910, вып. 3—4, стр. 151) сообщена легенда объ змѣѣ, спасшемъ Носевъ ковчегъ, записанная среди русскихъ въ Самарской губерніи.

2) О хивинскомъ пурханѣ см. мой краткій отчетъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, № 9, стр. 27 (перепечатано въ Этногр. Обзорѣніи, 1909, вып. 4, стр. 172). Студентъ Спб. Университета Кака-джанъ Бердіевъ сообщилъ мнѣ, что среди его соплеменниковъ, текинцевъ имѣются тоже пурханы-шаманы, хотя ихъ рѣдко приходится наблюдать; у текинцевъ есть выраженіе «пурхан оінамак» — «приласкайте шамана для леченія больного». Нельзя-ли видѣть упоминаніе пурхана въ выраженіи «непереводимаго», по словамъ издателя, казакъ-кирг. заговора: «Кыржан-миѣн Боркан келді» (А. А. Диваевъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій, Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр., т. XV, вып. 3, стр. 338)? Желательно также выяснить отношеніе слова пурханъ къ словамъ: 1) пурканъ (уйгурск., телеут., шорек., сагайск., койбалъск.) — будда;

1) Revue des traditions populaires, I, p. 199.

2) Ib. II, 432.

3) Ib. VII, p. 92—93.

Собирание материалов по пережиткам шаманства (съ возможными отложениями буддийскими, манихейскими, христианскими, зороастрийскими) у турецких племенъ, исповѣдующихъ исламъ, представляетъ выдающийся этнографическій интересъ, но работа эта оказывается обыкновенно весьма затруднительной для путешественника, только на короткій срокъ попадающаго въ тотъ или иной районъ и не успѣвающаго достаточно близко сойтись съ населеніемъ; поэтому особенно желательно участие въ изученіи такихъ вопросовъ, какъ заговоры, лицъ, подолгу живущихъ среди даннаго племени, а еще лучше — лицъ интеллигентныхъ изъ того самаго народа, вѣрованіи котораго подлежатъ изслѣдованію.

Я не имѣлъ случая составить полного указателя литературы по заговорамъ у турецкихъ племенъ, исповѣдующихъ исламъ, равно какъ у турукъ-шаманистовъ, турукъ-христианъ и турукъ-буддистовъ, но — думается — я не ошибусь, если скажу, что литература эта не обширна¹⁾. Насколько трудно понимать отдѣльные заговоры одного племени безъ привлеченія къ дѣлу сравнительнаго матеріала по заговорамъ у различныхъ турецкихъ племенъ, видно изъ вышеупомянутой работы башкира по происхожденію и большаго знатока казакъ-киргизовъ, А. А. Диваева «Изъ области киргизскихъ вѣрованій», въ которой заключительная часть заговора отъ фаланги («заключеніе») признана непереводаемой и издана только въ арабской и русской транскрипціи. Лучшимъ знатокомъ турецко-шаманскаго словеснаго творчества является въ настоящее время минусинскій турукъ, проф. Н. О. Катановъ; пониманіе, переводъ и комментированіе турецкихъ заговоровъ, несомнѣнно, будутъ значительно облегчены, когда туркологи увидятъ, наконецъ, изданными богатые матеріалы по заговорамъ и шаманскимъ молитвамъ, собранные казанскимъ востоковѣдомъ въ Китайскомъ Туркестанѣ и въ Поволжьи²⁾.

духъ, почитаемый шаманами (Словарь Радлова) и 2) пері-хън — «отчитывающей одержимыхъ бѣсомъ, колдунъ» (Словарь Шейха Сулеймана Бухарскаго); по моему, всего вѣроятнѣе происхожденіе среднеазиатско-турецкаго слова порхан отъ персидскаго пері-хън; Шейхъ Сулейманъ приводитъ въ цитатѣ выраженіе «пері-хан оінамакъ», какъ разъ вызывающее въ памяти текинское «порхан оінатмакъ»; поэтому напрасно, кажется, я помѣстилъ слово порхан въ словарь ак. Радлова sub voce: пуркан (т. IV, стр. 1368), а не отдѣльно.

1) Къ свѣдѣнію будущаго изслѣдователя заговоровъ турецкихъ племенъ укажу, что капитальное 18-томное изданіе ак. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркскихъ (= турецкихъ) племенъ» (10 томовъ текстовъ и 8 — переводовъ) заговоровъ въ себѣ не содержитъ; въ томѣ III имѣются казакъ-киргизскія благопожеланія и одна молитва шамана, а въ IX томѣ, составленномъ проф. Н. О. Катановымъ, заключается большое количество благопожеланій, проклятій и разнообразныхъ шаманскихъ молитвъ урянхайцевъ и абаканскихъ турукъ.

2) См. Н. О. Катановъ, Письма изъ Сибири и Восточнаго Туркестана (приложеніе къ LXXIII тому Зап. Имн. Ак. Наукъ. № 8, Спб. 1893), 81; его же: Народные способы леченія у башкировъ и крещенныхъ татаръ Белебеевскаго у. Уфимской губерніи (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., XVI, стр. 12).

II.

Въ моихъ записяхъ 1902 г. туркменскіе заговоры приведены, къ сожалѣнію, безъ поясненій, поэтому я не могу ничего сказать о томъ, кѣмъ и при какой обстановкѣ эти заговоры читаются. Первый заговоръ называется жылан добасы, т. е., собственно «молитва о змѣѣ» (доба изъ арабскаго ду'а), а второй и третій — мѣи добасы, т. е. «молитва о фалангѣ»¹⁾. У ставропольскихъ туркменовъ я слышалъ для «заговора» вмѣсто арабскаго ду'а турецкое оку — «отчитываніе» (ср. османское: настаји окумакъ — читать и дуть надъ больнымъ). У нѣкоторыхъ другихъ турецкихъ племенъ въ значеніи «заговора» употребляется слово арбаѣ, арбакъ, арбау, отмѣченное въ словарѣ Радлова для письменнаго джагатайскаго языка (со ссылкой на словарь «Абушка») и для нарѣчій: каз.-киргизскаго, барабинскаго, вост.-туркестанскаго; слово это извѣстно также таранчинцамъ²⁾; Шейхъ Сулейманъ Бухарскій приводитъ въ своемъ словарѣ цитату изъ Невая (XV в.), въ которой упоминается «жылан арбабы» — «заговоръ отъ змѣи». Мусульманско-арабскій терминъ для «заговора» — 'азимет (عزيمت множеств. عزایم), откуда «заключитель» — 'азимхън³⁾ (арабск.-перс. عزایمخوان).

Въ использованной мною литературѣ о турецкихъ заговорахъ⁴⁾ я не нашелъ заключительныхъ текстовъ, составленныхъ по тому же плану, и съ тѣмъ же содержаніемъ, что и записанные мною туркменскіе заговоры, но отдѣльныя части этихъ заговоровъ могутъ быть сопоставлены съ заговорами другихъ турецкихъ племенъ. Два первыхъ туркменскихъ заговора построены почти совершенно одинаково (см. строки 13—15 второго заговора); они состоятъ изъ трехъ частей: 1) *обращеніе*

1) Слово мѣи значитъ фаланга по Шимкевичу (Практич. руководство для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменъ Закасп. обл., Асхабадъ, 1899, стр. 131 и 154) и по моихъ записямъ; ставропольскій туркмень, назвавшій мнѣ заговоръ «мѣ оку», перевелъ мѣ чрезъ «паукъ»; въ моемъ экземплярѣ книги Шимкевича на стр. 154 рядомъ со словомъ «фаланга» моей рукой приписано: «паукъ»; въ словарь Радлова я внесъ по недосмотру слово мѣи только со значеніемъ «фаланга» (т. IV, стр. 2129); фонетическими разновидностями того-же слова являются: османск. бѣйя 1) большая голубая муха, 2) большой ядовитый паукъ, тарантулъ (Радл.); осм. бѣя — тарантулъ (Радл.); бѣ — тарантулъ (въ джагат. и таранч. по Радл.), фаланга (въ казакъ-кирг. по Диваеву, Изъ области кирг. вѣрованій).

2) Н. Н. Пантусовъ, Матеріалы къ изученію нарѣчій таранчей Илійскаго Округа, вып. пятый; молитвы и заговоры таранчинскихъ бакшей. По Диваеву (Изъ области кирг. вѣрованій, стр. 335) у казакъ-киргизовъ заговоры читаются особыми лицами, называемыми арбаушы. По-якутски (словарь Пекарскаго) глаголь арбѣ значитъ: 2) «о шаманѣ: вѣдрать чью либо болѣзнь въ жертвенную скотину».

3) Н. Н. Пантусовъ, Образцы таранчинской народной литературы, Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этнogr., т. XXV, вып. 2—4, стр. 135 мусульманскаго текста; «пригласить заключителья отчитывать» — по-таранч. 'азим окутмакъ. Въ хивинской рукописи моего собранія, № 18 (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XIX, стр. 022), листъ 2 b упоминается слово: «заключитель» — 'азимхън, но въ безграмотномъ начертаніи عزایمخوان.

4) Къ сожалѣнію, я не могу прочесть замѣтки А. А. Диваева: Волшебный заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, Туркест. Вѣдомости, 1893, № 7.

къ тому гаду или настькому, противъ котораго направлень заговоръ, при чемъ названіе гада или настькомаго повторяется нѣсколько разъ (змѣя — 15 разъ, фалаанга — 16, но въ 15 строкахъ); названіе гада или настькомаго сопровождается опредѣленіями, часть которыхъ указываютъ на разновидности данного животнаго; 2) *угроза* въ видѣ сообщенія о появленіи, по приказанію мусульманскихъ пророковъ Давида и Соломона¹⁾, «посла», растенія «дикая рута» и, наконецъ, «барана или овцы»; 3) *изгнаніе* чрезъ дуновеніе. Въ первой части перваго заговора *змѣя* называется и по турецки «*жылан*», и по персидски «*мар*», и еще по персидски же именуется *дракономъ* — «*айдарна*»; въ первой части втораго заговора цвѣта фалаанги называются и по турецки (ала), и по персидски (сіѣан, сурх); въ первыхъ частяхъ обоихъ заговоровъ встрѣчаются и арабскія слова (нур, ѣтѣм, ѣсір = асір). Вторая и третья части обоихъ заговоровъ дословно тождественны. Начало второй части состоитъ изъ арабскихъ словъ, соединенныхъ между собой по персидской конструкции: «*һѳкм-і Даууд, һѳкм-і Суліман*»; въ 4-ой строкъ второй части имѣется персидское слово *سپند* — *сіпанд* — «дикая рута», а въ 5-ой — персидское слово *کوسفند* — *кусфанд* — «баранъ или овца». Въ третьей части дважды повторено персидское слово *برو* — *бѣрѣ* — «уходи». Встрѣчающіяся въ обоихъ заговорахъ персидскія слова для названія змѣи, цвѣтовъ и барана не являются общепринятыми въ живой туркменской рѣчи заимствованіями и ихъ наличность въ заговорахъ объясняется, можетъ быть, понятной тенденціей къ высокому, необыденному стилю. Въ живомъ текинскомъ говорѣ, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчаются: форма на бан-гѣн, какъ въ словахъ: *гѳмулгѣн* (1-ый заговоръ, строка 6), *кузлубан* (2-ой заговоръ, строка 5); форма на буцы, какъ въ словѣ *кузлабуцы* (2-ой заговоръ, строка 6); для текинскаго говора и для туркменскаго нарѣчія вообще эти формы являются книжными, литературными.

Третій заговоръ, менѣе всего для меня понятный, состоитъ, повидимому, изъ 4 частей; въ первой части естественно было-бы ожидать обращенія къ фалаангѣ, противъ которой этотъ заговоръ, согласно показанію сообщавшаго его туркмена, направлень, но о фалаангѣ во всемъ заговорѣ ни слова; вторая часть очень напоминаетъ вторую часть обоихъ предыдущихъ заговоровъ: здѣсь сообщается о прибытіи барана или овцы, при чемъ употреблено не персидское слово, а турецкое — «*коі*» и о прибытіи «дочери пророка», т. е. жены Алія, Фатимы²⁾; третья и четвертая

1) Соломонъ упоминается въ заговорахъ казакъ-киргизскихъ *баксы* (Диваевъ, Изъ области кирг. вѣрованій, стр. 309, 317, 339); въ нихъ же упоминается и Давидъ (ibid., стр. 317, 338). Ср. эту часть съ послѣдней частью казакъ-кирг. заговора (ibid. 341). Оба пророка упоминаются также въ таранчинскихъ заговорахъ, см. Пантусовъ, Молитвы и заговоры, стр. 7.

2) Въ заговорахъ крещеныхъ татаръ упоминаются Айша и Фатима (Катановъ, Способы леченія, стр. 11).

части дословно тождественны съ частями второй и третьей двухъ первыхъ заговоровъ.

По поводу внѣшней формы записанныхъ мною заговоровъ можно сказать, что въ нихъ наблюдается стремленіе къ мѣрной и рифмованной рѣчи, а также къ параллелизмамъ, хотя полного осуществленія такого стремленія не замѣчается; недостатки въ этомъ отношеніи, можетъ быть, отчасти объясняются неточностью передачи заговоровъ сообщавшими мнѣ ихъ туркменами. Въ первой части заговора отъ укуса змѣи, какъ будто, имѣются пропуски послѣ строкъ 5, 6 и 11, но первая часть слѣдующаго заговора, равно какъ первая и вторая части послѣдняго и, наконецъ, общія всѣмъ тремъ заговорамъ двѣ заключительныхъ части производятъ впечатлѣніе вполне исправныхъ. Метръ — слоговой, но не единообразный, что допускается въ турецкой народной поэзіи. Въ первомъ заговорѣ строки 1, 3—5, 11 трехслоговыя, строки 2, 7—8, 12—15 четырехслоговыя (строку 13-ю слѣдуетъ читать съ элизіей: *уркочъ жылан*), строка 6 пятислоговая, строки 9—10, въ первой изъ коихъ 7 слоговъ, а во второй — 8, объединены рифмой (ала-кара) и риффомъ (*жылан*); принимая во вниманіе, что во всѣхъ трехъ заговорахъ это единственные строки съ количествомъ слоговъ болѣе 5, можно предполагать, что правильнѣе ихъ разбить на 4 строки, въ первой изъ коихъ будетъ 3 слога, а въ остальныхъ по 4. Во второмъ заговорѣ строки 1, 9, 11 двухслоговыя, 2—3, 7—8, 10, 12 трехслоговыя, 5, 13—15 четырехслоговыя, строка 6 пятислоговая; въ этомъ заговорѣ можно усмотрѣть свойственную турецкому народному стихосложенію акростишную рифму (одинъ и тотъ же звукъ въ началѣ сосѣднихъ строкъ) въ стихахъ: 2—3, 5—6, 7—8, 9—10, 11—12 и рифму съ риффомъ въ стихахъ: 9—11, 10—12, 13—14—15. Первая и вторая части послѣдняго заговора сочинены четверостишіями, весьма распространенными въ турецкой народной поэзіи; въ первомъ и второмъ четверостишіяхъ (строки 1—4, 5—8) рифмуютъ 1, 2 и 4 строки, а 3-я не имѣетъ рифмы, въ третьемъ же четверостишіи (строки 9—12) рифмуютъ между собой стихи 1—3, 2—4; имѣется на лицо и акростишная рифма (строки 1—2—4, 5—6, 7—8). Въ каждой строкѣ по 3 или 4 слога. Въ общихъ трехъ заговорахъ частяхъ (угроза и изгнаніе) всѣ строки, кромѣ второй, состоятъ изъ 4 слоговъ, а вторая — изъ 5, но возможно, что и вторая строка произносится съ элизіей въ 4 слога.

III.

Текстъ и приблизительный переводъ записанныхъ мною трехъ туркменскихъ заговоровъ таковы:

1) Жылан добасы.

а.

1 Нур жылан,
тѣмір жылан,

1) Заговоръ отъ змѣи.

а.

Свѣтъ-змѣя,
желѣзная змѣя,

ат жылан,
 су жылан¹⁾,
 5 ок жылан²⁾,
 гөмүлгән жылан,
 кәлтә мары³⁾,
 аждарһары (?⁴⁾),
 чәл кәсән ала жылан⁵⁾,
 10 һиндустані кара жылан⁶⁾,
 көр мары⁷⁾,
 әркәк жылан⁸⁾,
 уркоч(ы) жылан,
 бәроз жылан,
 15 кысыр жылан!

б.

hökm-i Dawud,
 hökm-i Süläiman
 ilci⁹⁾ gäldi,
 üswänd¹¹⁾ gäldi,
 күswänd¹¹⁾ gäldi!

көнъ-змѣя,
 водяная змѣя,
 сгрѣла-змѣя,
 зарывшаяся змѣя,
 короткая змѣя,
 драконъ-змѣя (?),
 степь прорѣзающая, пестрая змѣя,
 индустанская черная змѣя,
 слѣзная змѣя,
 самецъ-змѣя,
 самка-змѣя,
 беременная змѣя,
 перодившая змѣя!

б.

Велъниемъ Давида,
 велъниемъ Соломона
 посоль явился,
 дикая рута явилась,
 баранъ явился!

1) Въ шаманскихъ призваніяхъ у казакъ-киргизовъ упоминается «змѣя водяная» — «су жылан» или «әбі (перс.) жылан»: А. А. Диваевъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій, стр. 321 и 326.

2) Въ алтайск. нарѣчій ок жыланъ значитъ *мѣдвѣка* (Радл.).

3) Въ казан.-татарск. нарѣчій кәлтә жылан значитъ *ящерица* (Радл.).

4) Конечный слогъ ры при словѣ аждарһа — *драконъ* мнѣ непонятенъ; не искаженіе ли это или сокращеніе слова мары? Звукъ ы почему-то приставленъ къ персидскому слову мар — *змея* и въ 7-ой строкѣ, и въ 11-ой.

5) Слово ала — *пестрый* входитъ въ названіе нѣкоторыхъ животныхъ, такъ — ала-балык по казанско-татарски значитъ *форель* (Радл.); то же надо сказать и про слово ат — *кони* 3-ей строки: ср. османск. ат-балыбы — *бегемотъ* (Радл.) и ставроп.-туркменск. ат-жалман — *земляной заяцъ* (мои записи).

6) По османски кара-жылан значитъ *ужъ* (Радл.).

7) По османски көр-жылан значитъ *мѣдвѣница* (Радл.).

8) Въ заговорѣ отъ укушенія змѣи у крещеныхъ татаръ упоминается: «змѣй. . . самецъ съ раздвоенной головой» (Катановъ, Народные способы леченія, стр. 10).

9) По моему, подъ «посломъ» разумѣется самъ заклинатель. У желтыхъ уйгуровъ, по Малову, ilci значитъ *шаманъ* (Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ, Жив. Старина, нестойкий выпускъ, стр. 63).

10) «Дикая рута» упоминается въ казакъ-кирг. заговорѣ у Диваева (Изъ области киргизскихъ вѣрованій) подъ именемъ адрасбан, при чемъ А. А. Диваевъ сообщаетъ еще бухарское названіе хазар-асбанд; асбанд и есть наше үсвәнд и персидское سپند — sipänd. Въ словарѣ Ценкера при словѣ سپند поясняется, что дикая рута употребляется при окуриваніи отъ дурного глаза.

11) По моему, здѣсь имѣется въ виду жертвенный баранъ. Въ третьемъ заговорѣ, во второй

в.

21 Брәү-брәү күф! чык!

2) Мөй добасы.

а.

1 Мөй, мөй,
 Сыја мөй,
 сурох²⁾ мөй,
 ала мөй,
 5 кузлабан мөй,
 кузлабуды³⁾ мөй,
 жәтм мөй,
 жәсир мөй,
 дул мөй,
 10 тулсак⁴⁾ мөй,
 кул мөй,
 култак⁵⁾ мөй!
 әрән-дә, мөй,
 чәрән-дә, мөй,
 15 гәзлән⁶⁾-дә, мөй!

б — в.

16—21 hökm-i Dawud. . .

в.

Вонъ-вонъ! — пфъ! выходи!¹⁾

2) Заговоръ отъ фаланги.

а.

Фаланга, фаланга,
 черная фаланга,
 красная фаланга,
 пестрая фаланга,
 обьягнившаяся фаланга,
 ягнящаяся фаланга,
 сирота-фаланга,
 плѣнница-фаланга,
 вдовица-фаланга,
 фаланга,
 рабыня-фаланга,
 фаланга!
 заскучай-же (?), фаланга,
 да нагужься (?), фаланга,
 да спрячься (?), фаланга!

б — в.

Велъниемъ Давида, и т. д.

части упоминается «черный, съ попорченными ушами и рогами баранъ», а у казакъ-киргизовъ при шаманскихъ моленіяхъ закалывается черный баранъ съ лысиной (А. А. Диваевъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій, стр. 308).

1) Киргизскіе арбаушы заканчиваютъ свои заклинанія тоже словами «*куфъ, чыкъ!*» (А. А. Диваевъ, Киргизскія болѣзни и способы ихъ леченія, Туркестанскія Вѣдомости, 1903, № 43, стр. 3 отд. оттиска).

2) Я принимаю слово сурох за персидск. сурх.

3) Въ черновикѣ у меня стоитъ: кузлакурды.

4) Слово мѣй неизвѣстно.

5) Слово мѣй неизвѣстно.

6) Въ черновикѣ у меня записано: әрәннә, чәрәннә, гәзләннә; принимая во вниманіе, что при быстрой рѣчи звукъ д ассимилируется въ текинское говорѣ предыдущему и, я принялъ въ начальныхъ словахъ строкъ 13—15 конечное нә за послѣлогъ дй; непонятное для меня слово гәзлән я попробывалъ исправить на гәзлән, такъ какъ я могъ ошибиться при записываніи и замѣнить і черезъ ә подъ впечатлѣніемъ цѣлаго ряда ә въ двухъ предыдущихъ словахъ. На своихъ поправкахъ я, конечно, не настаиваю. Читеніе гәзлән — *спрячься* можно оправдать ссылкой на слова киргизскаго заговора-пѣсни «бедикъ»: «если ты не знаешь куда *скрыться*, я тебѣ скажу: прочь въ жениха, котораго не посѣщаетъ невѣста» и т. д. (А. А. Диваевъ, Киргизскія болѣзни и леченіе ихъ посредствомъ пѣнія «бедикъ», Туркест. Вѣдомости за 1906 г., № 59).

3) Jāñā mōi dobасы.

а.

1 Тәф-тәр монцук,
тәр монцук,
яыл арасы
тоўначык.

б.

5 hai gāldi,
hoi gāldi,
кара чонок²⁾
koī gāldi,
аҗабының
10 тозы gāldi,
niğämbariñ
kызы gāldi!

в — г.

13—17 hōkm-i Dawud. . .

СПБ. августъ 1912 г.

3) Еще заговоръ отъ фаланги.

а.

Прехрупкая буса,
хрупкая¹⁾ буса,
среди года
потопецъ (?).

б.

ай, явился,
ой, явился,
черный, съ изьянами
баранъ явился,
его ногъ
прахъ явился,
пророка
дочь явилась!

в — г.

Велѣниемъ Давида, и т. д.³⁾

А. Самойловичъ.

1) Персидское слово *تور*, заимствованное туркменами.

2) Этого слова нѣтъ въ словарѣ Радлова, но смотри словари Pavet de Courtielle и Сулеймана Бухарскаго.

3) Уже послѣ сверстки настоящей замѣтки я случайно натолкнулся на слѣдующіи свѣдѣнія о заговорахъ у турецкихъ племенъ: 1) у двадцатитысячнаго турецкаго народа въ Нальчикскомъ округѣ Терской области, болкаръ, «отъ укуса змѣй лечатъ заклинаніями, но ихъ рѣдко кто знаетъ» (Н. А. Карауловъ, *Болкары на Кавказѣ*, Сборн. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. XXXVIII, отд. I, стр. 142); 2) въ главѣ «Мусульманскіе ишань» книги Н. П. Остроумова «Сарты. Общій очеркъ» (изд. 3-е, Ташкентъ, 1908 г.) сообщается объ отчитываніяхъ и заклинаніяхъ среднеазиатскихъ ишановъ, при чемъ упоминаются «заклинанія на непонятномъ языкѣ» (стр. 209, 226); 3) венгерскій туркологъ Мессарошъ собиралъ заговоры среди поволжскихъ татаръ и чувашей; среди послѣднихъ имъ собрано до 100 заклинаній (Извѣстія Русск. Комит. для изученія Ср. и Вост. Азіи, № 9, стр. 61 и 65); 4) «Волиевыя заговоры киргизовъ Сыр-Дарьинской области» см. въ Московской газетѣ 1892, № 57; 5) въ Этнографич. Обзорѣніи за 1910 г., № 1—2, напечатаны работы А. А. Диваева: «Заклинаніе и призыгъ ветра. Изъ киргизскихъ повѣрій» и «Киргизскій заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насекомыхъ и пресмыкающихся». Послѣдній заговоръ является очень близкимъ вариантомъ заговора, обнаруженнаго А. А. Диваевымъ въ XV т. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн., стр. 335 сл. со словъ одного и того же лица, при чемъ изъ старой статьи попали въ новую нѣкоторыя примѣчанія и поясненія.

Заговоры Шенкурекаго уѣзда.

Нижеприведенныя «слова» изъ суевѣрной практики народа записаны лѣтомъ 1910 года въ селеніяхъ, расположенныхъ на берегахъ рѣкъ С. Двины, Кодемы и Леди. Мы печатаемъ ихъ въ такомъ видѣ, какъ они записаны, съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора. Впрочемъ, присутствіе книжнаго элемента, зависимость устнаго заговора отъ книжнаго прототипа, хранимаго въ разныхъ рукописныхъ произведеніяхъ суевѣрнаго характера, нѣсколько ослабляетъ значеніе ихъ для характеристики говора. Нѣкоторые обороты совершенно чужды народной рѣчи. Съ другой стороны видимъ, что нѣкоторыя выраженія остались непонятны для колдуна, который повторяетъ ихъ, не отдавая себѣ отчета въ ихъ значеніи, ссылаясь на то, что «такъ говорятъ». Очень можетъ быть, что многія изъ приведенныхъ «словъ» не что иное, какъ отрывки изъ болѣе обширнаго цѣлага, такъ какъ вообще довольно трудно узнать отъ колдуновъ все подробности даннаго заговора и связаннаго съ нимъ ритуала.

Обереги общаго характера. Уроки, порча и т. д.

1. («Тибя не изурочить и не испортить»). Стану рабъ Божей благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротыма въ чистой полѣ, въ широко роздульѣ, идетъ самъ Сусъ Христосъ на сивомъ конѣ. Слободы миня, Осподи, отъ грозного удару, отъ большого замаху, отъ ножа булатнаго, отъ топора укладнаго, не брала бы не шипота и не ломота не въ костяхъ, и не въ мозгахъ, и не въ ретивомъ серьцѣ. Мисяца не помертвить, звѣз не пошшипать и меня, молодца, не испортить. — Двина.

2. [Соли кладутъ въ смолу]. Стаѣтъ рабъ Божей въ сегодняшней денѣк, какъ смолывой пенѣк. Кругъ раба Божья каменна ограда и жалѣзной тын. Чѣрному, черемному соль въ глазъ, завидушному, загребушному смолы въ глазъ. Во имя . . . аминь. — Двина.

стигъ до мѣста, гдѣ паслось большое стадо овецъ. Онъ сообщилъ объ этомъ волку; волкъ явился и схватилъ овцу. Волкъ сказалъ лисицѣ: «я буду ѣсть мясо, ты пей кровь», а коршуну: — «ты ѣшь кишки; теперь мы братья, будемъ жить въ согласіи». Волкъ ѣлъ мясо и насытился; лиса пила кровь и насытилась; коршунъ ѣлъ кишки и насытился. Затѣмъ они побесѣдовали: «въ какую бы кумирню намъ отправиться? Лисица сказала: «вонъ тамъ, въ тысяча верстахъ отсюда, есть кумирня; отправимся туда!» Они отправились, какъ бы трое людей. Въ кумирнѣ они поклялись, отъ сегодняшняго дня не дѣлать другъ другу вреда. Волкъ сказалъ: «если я сдѣлаю лисѣ худо, то пусть я ослѣпну». Лиса передъ бурханами сказала: «если я поступлю дурно, то пусть переломаны будутъ мои ребра». Коршунъ передъ бурханами произнесъ: «если я поступлю дурно, то пусть будутъ переломаны мои ноги». Конецъ.

Сказка „Сорокъ небылицъ“

по туркменскому, узбекскому и киргизскому вариантамъ.

I.

Во время путешествія по Хивинскому ханству я записалъ 20 іюня 1908 г. въ городѣ Гурленѣ отъ молодого узбека изъ племени канглы два варианта сказки «Сорокъ небылицъ» на хивинско-узбекскомъ нарѣчій. До меня никто матеріаловъ по сказкамъ хивинскихъ узбековъ не издавалъ¹⁾. Сказочникъ, имени котораго у меня, къ сожалѣнію, не сохранилось, оказался мало понятливымъ и лѣнивымъ, и я принужденъ былъ довольствоваться несовершенной записью сказокъ съ нѣсколькими пропусками. Въ поѣздку 1912 года къ ставропольскимъ туркменамъ я записалъ 3 іюня новый вариантъ той же сказки со словъ туркмена изъ аула Чуръ по имени Джума-Ніязъ. Старикъ Джума-Ніязъ обнаружилъ большую толковость, и я имѣлъ возможность записать туркменскій вариантъ въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ два узбекскихъ. До сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, никто сказокъ ставропольскихъ туркменовъ не издавалъ²⁾. Четвертый, казакъ-киргизскій вариантъ сказки «Сорокъ небылицъ» изданъ въ мусульманской транскрипціи и въ русскомъ переводѣ

1) Въ хрестоматіи Германа Вамбери «Sagataische Sprachstudien» (Лейпцигъ, 1867), заключающей въ себѣ часть матеріаловъ, собранныхъ авторомъ во время его извѣстнаго путешествія по Средней Азіи и, въ частности, по Хивинскому ханству, сказокъ вовсе не имѣется; къ народнословесному творчеству въ этой книгѣ относятся только 112 пословицъ. Изъ русскихъ изданій по хивинскому фольклору вообще мнѣ извѣстно только: «Мурадбекъ и Фатима» (Хивинское преданіе), Н. С. Лыкошина (Ташкентъ, 1896). Мною издано: а) Хивинскій рассказъ про Аннѣ-Мратъ бову (Живая Старина 1908, IV, 490), б) «Сказка съ кошкой» (тамъ же, 1910, I—II, 121), в) Изъ хивинскихъ сказаній о животныхъ (тамъ же, 1910, III, 271).

2) Въ статьяхъ Володиной «Трухменская степь и трухмены», «Изъ трухменской поэзіи» (Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, т. 38; моя рецензія въ Живой Старинѣ, 1909, I, 115) сказокъ не приведено, а въ работѣ Фарфоровскаго «Трухмены Ставропольской губерніи» (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., XXVII; моя рецензія въ Ж. Стар. 1912, I, 207) подъ видомъ туркменской сказки приведена калмыцкая.

А. А. Диваевым¹⁾; этот вариант записан в Перовском уезде Сырдарьинской области. Из 4 вариантов 3, а именно первый узбекский, казакь-киргизский и туркменский, очень между собой близки, если не считать конца туркменского варианта, вовсе не вмещающегося в двух предыдущих и заключающего в себя, вместо небыллиц, своего рода загадки, — поэтому я нашел возможным привести полностью перевод одного туркменского варианта (Т.), а на особенности вариантов казакь-киргизского (К.) и первого узбекского (У.) указываю в сносках. Второй узбекский вариант, конец которого записан мною настолько плохо, что я принужден его игнорировать, значительно отличается от трех остальных, и я привожу отдельно перевод его начала.

Джума-Нияз предпослал сказку (ертеки) присказку, для которой я у туркменов особого названия не записал²⁾ и которая составлена с соблюдением особенностей народной турецкой версификации (слоговой метр, аллитерация). У туркменов Закаспийской области мнѣ присказокъ предъ сказкой слышать не доводилось; записанные мною тамъ сказки начинаются обыкновенно словами: «бір вар екен, бір јок екен» — «было ли когда, или не было никогда»³⁾. Закончил сказку свою Джума-Нияз также присказкой и при томъ очень близкой къ той, которую я слышалъ въ концѣ сказокъ у закаспийскихъ туркменовъ, именно у Мервскихъ текинцевъ. Но и внутри самой сказки Джума-Нияз неоднократно переходилъ на мѣрную и римованную рѣчь въ турецко-народномъ духѣ.

Присказка въ началѣ сказки:

- 1 Ертек ертек заманда,
ешшек бѳртѳн (?) заманда,

1) А. А. Диваевъ, Этнографическіе матеріалы. Вып. XI. *Киргизскія сказки о походе джиделиягъ трехъ племенъ*. Текстъ и переводъ (Ташкентъ, 1906, стр. 17, 37). По проверкѣ оказывается, что переводъ, сравнительно съ текстомъ, заключаетъ въ себѣ неточности и пропуски, которые мною указываются въ послѣдующихъ сноскахъ. — Въ VII т. «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ» акад. Радлова имѣется вариантъ конца нашей сказки (стр. 61: Чызма); отзвукъ этой же сказки слышится во второй присказкѣ предъ сказкой на стр. 78 тома VII. У абаканскихъ турокъ имѣется сказка «Шестьдесятъ небыллицъ», очень близкая къ нашимъ вариантамъ «Сорока небыллицъ» («Образцы» IX, переводъ 379). Другіе виды сказокъ о небыллицахъ мнѣ встрѣтились въ т. VII, стр. 3 и т. X, стр. 202—204. Казакь-киргизская *тысмя-небылица* напечатана въ т. III, стр. 55 текста, стр. 72 перевода.

2) У крымскихъ татаръ *присказка* называется и асал башы — *начало сказки* (Образцы» Радлова, VII, 49), у османскихъ турковъ — *текерleme* («Образцы», VIII, стр. X, 182) — *акатанье* (словарь Радлова).

3) Ср. крымско-татарское: бір заманда вар, бір заманда јок (Образцы, VII, 9), бір заманда бар акан, бір заманда јок акан (ibid. 46, 51, 55, 61); османско-турецкое: бір вармыш бір јокмуш (Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этно. XXXIV, Мартиновичъ, Турецкая сказка объ угадчикѣ поневоля, стр. 88; «Образцы», т. VIII, стр. 194). Такое же начало я слышалъ и въ Хивѣ. Очень часто сказки начинаются словами: «въ прежнія времена» («Образцы» III, стр. 270, 287; VII, стр. 18, 34; VIII, 185, 208).

каз караул заманда,
4 турна турон (?) заманда,
бѳд(ѳ)нѳ бѳнтук (?) заманда,
куир(ѳ)бу шонтук заманда,
кар(а) торбои казы заманда,
8 боз торбои молла заманда¹⁾ —

Присказка въ концѣ сказки:

Ол бабыр болуп катсын,
біз ѳкѳн болуп калкајык.

У мервскихъ текинцевъ я слышалъ въ концѣ сказки присказку съ ярко выраженными особенностями народной поэзии:

Бабыр болды,
батты гитти,
ѳкен болды,
ѳттү гитти.
Бір јаблы омоча
гегирје-(i)дiм,
оволорың ітi
басты гитти²⁾.

Примѣры мѣрной и римованной рѣчи изъ текста сказки Джума-Нияза:

- 1) Југүрүп јортуп,
кызарып бѳртүп,
јылбаның ічи-біле,
Алланың гүні-біле,
етегім біде,
түкүлүк јерде.
- 2) Јеле карап јелиннеп,
јыба карап кулуннап³⁾.

1) Ср. сартовскую присказку на стр. 11 предисловія книги Н. П. Остроумова, *Сказки сартовъ* въ русскомъ изложеніи (Ташкентъ, 1906) и средину османской присказки № III на стр. 183 тома VIII «Образцовъ» акад. Радлова.

2) Ахаль-текинскія сказки, записанныя мною въ 1902 году въ аулѣ Багиръ, заканчиваются словами: сѳз тамам вассалам рѣчь кончена и прощайте» (я переводилъ вольно: «слову конецъ, да спасетъ васъ Творецъ!») См. изданныя мною въ Кауфманскомъ Сборникѣ — Москва, 1910 — «Три туркменскихъ сказки», стр. 118—128).

3) Ср. стихотворныя вставки въ казакь-киргизскихъ сказкахъ, собранныхъ акад. Радловымъ (Образцы, III), стр. 297, 300, 320 сл. и въ османскихъ *текерleme* (Образцы, VIII, 182).

Вариантъ сказки «Сорокъ небылицъ», сообщенный мѣ Джума-Шязомъ, представляеть изъ себя соединеніе двухъ сказочныхъ темъ: 1) полученіе руки дѣвухи при помощи сообщенія *небылицъ* и 2) полученіе руки дѣвухи при помощи отгадыванія *загадокъ*, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ побѣждаетъ не тотъ, кто загадываетъ, а тотъ, кто отгадываетъ, и загадывающей является не сторона невѣсты, а жениха¹⁾. Виѣсть съ казакъ-киргизскимъ вариантомъ, ставропольско-туркменскій принадлежить къ циклу сказокъ о *пѣтшивомахъ* (таз, даз).

Сказки-небылицы представляютъ изъ себя какъ бы переходную ступень отъ присказки къ настоящей сказкѣ. Мы уже отмѣтили, что въ одной изъ крымско-татарскихъ присказокъ слышится отзвукъ сказки «Сорокъ небылицъ». Второй узбекій вариантъ этой сказки, сообщенный нами въ отрывкѣ, весьма близокъ къ довольно длинной османской присказкѣ-текерлеме, напечатанной въ VIII томѣ «Образцовъ» В. В. Радлова²⁾. Эта присказка, какъ и туркменскій вариантъ «Сорока небылицъ», часто переходитъ въ мѣрную и рифмованную рѣчь.

Установленный нами фактъ присутствія слѣдовъ сказки «Сорокъ небылицъ», съ одной стороны, у турокъ Крыма, съ другой — у турокъ Енисейской губерніи свидѣтельствуетъ, при наличности ряда послѣдующихъ звеньевъ, прежде всего о высокой степени ея распространенности среди турецкихъ племенъ, а затѣмъ, можетъ быть, и о древности ея появленія въ данной средѣ. Несомнѣнно, это — сказка *домусульманская*. Прослѣживать судьбу «Сорока небылицъ» за предѣлами турецкаго міра я не пытался.

II.

Переводъ.

Въ прошлыя, прошлыя времена,
Когда оселъ былъ распухшимъ (?),
Когда гусь былъ караульщикомъ,
Когда журавль былъ стоящимъ (?),
Когда перепелъ былъ слабымъ (?),
Когда его хвостъ былъ куцымъ,
Когда скворецъ былъ судьей,
Когда жаворонокъ былъ муллою, —

былъ одинъ ханъ³⁾, а у того хана была одна дочь. Никому въ ту пору не удавалось добиться согласія ханской дочери и жениться на ней. Теперь за это взялся самъ ханъ, взявшись, созвалъ свой народъ и сказалъ ханъ своему народу:

1) Ср. казакъ-киргизскую сказку «Загадка» въ «Образцахъ» ак. Радлова, III, стр. 320 текста и 387 перевода.

2) Стр. 182. См. еще опредѣленіе *текерлеме* Кунуша на стр. X предисловія къ VIII тому.

3) К. — киргизскій ханъ. У. — богачъ.

— Кто скажетъ сорокъ небылицъ (хырк жалаң), за того я выдамъ свою дочь¹⁾. Тогда придетъ одинъ, скажетъ пять (небылицъ), другой скажетъ десять, третій — пятнадцать, (полностью) небылицъ придумать не могутъ. Былъ въ тѣ поры одинъ простой пѣтшивый парень (бр даз кара жігіт)²⁾, пришелъ онъ къ хану и сказалъ:

— Если я скажу сорокъ небылицъ, выдашь-ли ты за меня свою дочь?

Тогда ханъ сказалъ:

— А если ты не найдешь сорока небылицъ, какъ съ тобой быть?

Тутъ «даз-кара» сказалъ:

— Пусть голова моя подъ мечемъ будетъ³⁾!

Тогда они заключили условіе, и теперь ханъ сказалъ своимъ министрамъ:

— Вотъ «даз-кара» станеть сказывать сорокъ небылицъ, а вы считайте⁴⁾!

И началъ сказывать «даз-кара» сорокъ небылицъ:

— Родившись раньше отца (ата) моего, я пасъ табунъ своего дѣда (баба)⁵⁾.

Ложась спать, я провѣрялъ его по ушамъ, вставая, я провѣрялъ его по ногамъ. Въ одинъ прекрасный день изъ ушей — двухъ, изъ ногъ — четырехъ не стало. Вотъ я рѣшилъ отправиться на поиски. Ищу я теперь, — скачу, бѣгаю, красеню, пухну, — сквозь балки, съ Божьей помощью, — полы мои у поясины, слюна на землѣ⁶⁾. Приблизился я тутъ къ высокому бугру, взобрался наверхъ, посмотрѣлъ — не видно; воткнулъ свою укрючину, взобрался наверхъ, увидалъ⁷⁾: по ту сторону моря пасется кобыла съ жеребенкомъ (переводъ стиховъ не точный). Тогда я сдѣлалъ изъ своего ножа весло, изъ ноженъ — лодку и переправился черезъ море. Съѣлъ я тутъ на жеребенка, погналъ кобылу и переѣхалъ обратно черезъ море⁸⁾. Возвращаюсь, а подъ невы-

1) К. — и сдѣлаю своимъ визиремъ.

2) К. — 15-лѣтній пѣтшивый мальчикъ (бр таз бала). У. — просто 7-лѣтній мальчикъ.

3) К. — ханъ заранѣе самъ предупреждаетъ, что тому человѣку, въ рассказъ котораго войдетъ хоть одно слово правды, онъ сниметъ голову. У. — въ предварительномъ условіи хана говорится: «а кто не сумѣетъ навратъ, тѣмъ я буду отсѣкать головы и изъ нихъ я воздвигну башню череповъ (kelle менара), буду отсѣкать тѣла и изъ нихъ я воздвигну башню тѣлъ (гбүде менара).

4) К. У. авъ.

5) К. — «Когда я еще не родился и когда пасъ лошадей своего дѣда (екемниң екесінің пылыксыни)...». Дальше говорится, что лѣтомъ озеро покрылось льдомъ, мальчикъ пробылъ въ немъ отверстіе собственной головой, предварительно оторвавъ ее отъ тѣла. У. — «До-прежъ того какъ я родился отъ матери своей и ранѣе того, какъ отецъ мой женился на матери моей, я пасъ табунъ моего дяди по матери (дајы)». Начало У. и Т. лучше К..

6) К. — пропала пестрая кобыла въ 6 сажень. У. — пропала одна кобыла. У. о подсчетѣ не упоминаетъ, К. упоминаетъ, но переводъ неточенъ.

7) К. — мальчикъ воткнулъ въ ледъ укрючину, ничего не увидалъ; воткнулъ въ кончикъ укрючины ножикъ, ничего не увидалъ; воткнулъ въ кончикъ укрючины ножикъ и увидалъ. У. — мальчикъ взобрался на гору, на камень, воткнулъ въ источникъ (чешме) тонкую иглу, взобрался на нее и увидалъ. К. всего лучше, Т. всего хуже.

8) К. — Кобыла забралась на морской островъ на разстояніи мѣсяца пути и ожеребилась; мальчикъ превратилъ укрючину въ лодку, ножикъ — въ весло, сталъ тонуть, переѣхалъ

росшимъ «петеге» (название растенія) лежитъ одинъ, отъ матери своей не родившійся, заяцъ (којон). Я ударилъ по верхушкѣ его шапки, онъ запищалъ, а я соскочилъ (съ кобылы) и схватилъ его¹⁾.

Продолжая путь, я зашелъ въ одну кибитку въ гости. Мы закололи, ободрали и распластали моего зайца; изъ одной его почки вышло семь фунтовъ (кѳрѳуке) жира, изъ другой его почки вышло три фунта жира. Семь фунтовъ жира я намазалъ на одинъ свой сапогъ, три фунта жира я намазалъ на другой свой сапогъ. Тутъ я, говоритъ, легъ спать. Вдругъ въ кибиткѣ произошла ссора, драка. Встаю я, а два монахъ сапога препираются между собой. (Я спросилъ):

— Что за причина вашей распри?

Тогда мои сапоги мнѣ отвѣтили:

— На меня ты намазалъ три фунта, а на него ты намазалъ семь фунтовъ!

Тутъ я заснулъ за пазуху сапогъ, на который было намазано семь фунтовъ, и легъ себѣ спать. Встали мы утромъ, хочу я обуть сапоги, глядь — исчезъ одинъ мой сапогъ. Я спросилъ у (второго) своего сапога:

— Куда тотъ ушелъ?

Тогда мой сапогъ сказалъ:

— Онъ ушелъ, разсердившись на то, что на него мало намазали²⁾.

нилъ назначеніе укрючины и ножа, доплылъ въ одно мгновеніе; поплылъ обратно на кобылѣ, гоня впередъ жеребенка, но сталъ тонуть, пересѣлъ на жеребенка и доплылъ опять въ одно мгновеніе.

У. — Кобыла насласъ въ сухомъ руслѣ (даржалык), предъ мальчикомъ выступила вода, онъ сѣлъ на ножикъ, опоясался кушакомъ (кошваѳ), поймалъ кобылу, при обратномъ переѣздѣ сѣлъ на жеребенка, а кобылу погналъ. К. всего лучше.

1) К. — подъ кустомъ невыросшаго, но уже сухого (въ переводѣ оба слова опущены) таволожника мальчикъ увидѣлъ неродившагося и еще не рожавшаго (въ переводѣ оба слова опущены) зайца, выстрѣливъ изъ лука, стрѣла не полетѣла, пустилъ стрѣлу обратнымъ концомъ и убилъ зайца.

У. — подъ незазелѣвшей полянью (жоушан) лежитъ заяцъ, выстрѣливъ, не попалъ, ударилъ — тотъ свалился. К. всего полнѣе.

2) К. — мальчикъ привязалъ кобылу къ сухому колу (казык), сталъ собирать кизякъ; колъ оказался шейей лебедя, который, хлопая крыльями, испугалъ кобылу; мальчикъ кинулся къ ней, а кизякъ, превратившись въ перелокъ, разлетѣлся; распластавъ зайца, мальчикъ сталъ топить сало, но оно утекло изъ цѣлага (въ переводѣ опущено) котла; переложилъ въ дырявый котелъ, и сало перестало утекать; его набрался цѣлый бычачій желудокъ. Сваривъ мясо и собравшись его ѣсть, мальчикъ вспомнилъ, что у него нѣтъ головы, и набилъ имъ свой желудокъ чрезъ дыхательное горло (въ переводѣ пропущено). Сала хватило на смазку только одного сапога, ночью сапоги разсорились, мальчикъ, проснувшись, ударилъ каждаго изъ нихъ кулакомъ, бросилъ въ разные стороны и заснулъ; одинъ сапогъ сбѣжалъ.

У. — Мальчикъ «вытащилъ зайца изъ шкуры», получилось 60 батмановъ мяса и 70 — сала; подвѣсивъ для варки мяса котелъ со сломаннымъ ушкомъ и наливъ въ него 40 тьакв (изъ особой породы, предназначенной спеціально служить въ засушенномъ видѣ сосудомъ) воды, мальчикъ сварилъ мясо, съѣлъ; «большой мой языкъ объ этомъ знаетъ, а малый языкъ — не вѣдаетъ». На смазку одного сапога сала не хватило, и онъ со злости ушелъ въ Бухару, гдѣ нанялся въ работники.

Выхожу я, надѣвъ себѣ на обѣ ноги одинъ свой сапогъ, выпалъ тонкій снѣгъ; отправился я по его (зайца) слѣдамъ, попался одинъ аулъ (ауль). Въ томъ аулѣ происходила благочестивая трапеза (садака) и на этой трапезѣ мой сапогъ прислуживаетъ (ајакчы болуп-јѳр). Когда мой сапогъ подавалъ, а я ѣлъ, я подмигнулъ моему сапогу¹⁾. —

Тутъ ханъ сказалъ²⁾:

— Неродившійся отъ матери заяцъ, про котораго ты рассказывалъ, и который лежалъ подъ невыросшимъ «петеге», не будетъ ли пупыршкомъ?

— Будетъ, такъ будетъ, ханъ! отвѣтилъ (парень и продолжалъ):

— Взваливъ холощенаго верблюда, тащуть, а голова и хвостъ его по землѣ волочатся.

— Не будетъ ли то, что ты называешь холощенымъ верблюдомъ, двухлѣтнимъ верблюжонкомъ (тору-таілак)?

— Будетъ, такъ будетъ, ханъ! отвѣтилъ (парень и продолжалъ):

— Онъ пасется, сшибая вершины сорокасаженнаго «карабаі» (название растенія).

Тогда ханъ сказалъ:

— Не будетъ-ли, пожалуй, то, что ты называешь сорокасаженнымъ «карабаі», — полянью (жоушан), «сар'варак»-омъ (название степной травы)?

— Будетъ, такъ будетъ, ханъ! Камень, который утромъ бросается съ высоты дѣтской головы, вечеромъ на землю падаетъ.

Ханъ сказалъ:

— Это есть короткая продолжительность дня.

— Если такъ, такъ такъ, сказалъ (парень и продолжалъ):

— Корова, ушедшая утромъ къ быку (бука), вечеромъ новорожденнаго теленка (бузоу) приводить.

Тутъ ханъ выдалъ за «даз-кара» свою дочь и устроилъ свадебный пиръ. Тогда «даз-кара», сказавъ сорокъ небыллицъ, женился на ханской дочери, и они зажили счастливо.

1) К. — Отправивъ въ погоню за сапогомъ, надѣвъ на обѣ ноги — оставшійся, мальчикъ чрезъ нѣсколько лѣтъ попалъ въ аулъ, гдѣ шли поминки (ас = аш) и гдѣ прислуживалъ бѣглый сапогъ, который сконфузилъ своего бывшаго хозяина своей изысканной предупредительностью. Этимъ и оканчивается рассказъ. Ханъ выдалъ свою дочь за плѣшиваго и впоследствии назначилъ его министромъ.

У. — Второй сапогъ отправился вслѣдъ перваго. Первый разбогатѣлъ въ Бухарѣ; на вопросъ: «чьи это земли?» отвѣчали: «это — бараны Эдикъ-бая». Нагрузивши произведенія своихъ земель на Бухарскаго сѣраго пѣтуха (Бухарны бр чал-хоразына), сапогъ тронулся въ обратный путь, навстрѣчу ему попался нѣкто и обронилъ письмо, изъ коего онъ узналъ, что все это — небыллица (окуи гѳрсе немесі јабѳан). Мальчикъ женился на дочери богача.

2) Дальнѣйшаго діалога между ханомъ и плѣшивымъ въ вариантахъ К. и У. не имѣется.

III.

Начало второго узбекскаго варианта.

[Разсказчик опустил вводную часть сказки и началъ прямо съ небылицъ]

— Сначала на свѣтъ одинъ появился. Умирала, умирали, трое стало. Трое подружилсь и пошли, предъ ними показалось три арыка. — два сухихъ, а въ одномъ воды нѣтъ. Въ безводномъ арыкѣ — три рыбы, двѣ изъ нихъ дохлыхъ, а третья бездыханна. Захвативши бездыханную рыбу, трое пошли. Вдали показались три сакли (там), двѣ изъ нихъ обвалились, у третьей крыши (уст) нѣтъ; внутри ихъ лежить три котла, два изъ нихъ продавлено, у третьяго дна нѣтъ. Мы положили бездыханную рыбу, очистивши, въ бездонный котель. Наваръ (шорпа) остался, рыба провалилась. Съѣли они супъ, брюхо ихъ стало, что плоть (сал), шея, — какъ волосъ (кыл), а ротъ у нихъ совершенно пропалъ (аўзыннан сыра хабар јок). Послѣ этого они не могли выйти чрезъ дверь (ешік), зынкъ! и они пролѣзли чрезъ отверстие кибиточнаго остова (sic! выше говорилось о саклѣ!). Затѣмъ пошли они, достигли одного мѣста и легли отдохнуть. (Разсказчикъ поправляется:) въ рыбѣ было 60 батмановъ жиру; они стали смазывать сапоги; одинъ сапогъ намазали, на другой сапогъ не хватило. Тутъ они заснули. Одинъ сапогъ, разсердившись, убѣжалъ . . .

А. Самойловичъ.

Дарвазская сказка.

Записаль М. С. Андреевъ.

[Настоящая сказка взята изъ записей М. С. Андреева; подлинный текстъ готовится къ изданію Императорскою Академіею Наукъ. Мы глубоко сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности напечатать другія памирскія сказки превосходной записи М. С. Андреева, тѣмъ болѣе, что вообще иранскія народныя сказки почти не извѣстны, а въ особенности не извѣстны сказки иранскихъ народностей Памира. *Ред.*]

[Волшебные предметы.]

Быль одинъ сирота. У него не было ни отца, ни матери, никакой родни. Изъ имущества была только одна перевочка кругомъ талии (вмѣсто пояса). Ставилъ онъ силокъ, ловилъ воробьевъ, носилъ на базаръ, продавалъ ихъ, (и этимъ) питался; насыщался, развеселялся, приходилъ домой. Пошелъ (однажды) утромъ (и увидѣлъ), что въ силокъ къ нему понался воронъ. Такъ онъ обрадовался, какъ будто ему кто лошадь подарилъ. Беретъ и идетъ на базаръ.

Видитъ, что встрѣчается съ нимъ одинъ съдой мужчина. Это былъ самъ Хоѳаі Хызыр. Загорѣлась у него печень (растрогался онъ), жалость пришла къ нему въ сердце, спрашиваетъ онъ: «эй, мой мальчикъ, куда ты несешь этого ворона?» Сказалъ (мальчикъ): «о, батюшка, у меня нѣтъ никого; каждый день ловилъ я воробьевъ, а сегодня Богъ далъ и этого». Сказалъ: «очень хорошо, принеси его, продай мнѣ». Сказалъ (мальчикъ): «что ты мнѣ дашь?» Сказалъ: «я дамъ тебѣ одну чашку». Сказалъ (мальчикъ): «о, дѣдушка, я вотъ столько хлѣба не нахожу, чтобы положить себѣ въ ротъ, (если) я понесу ту чашку, что я буду съ ней дѣлать?» Онъ (старикъ) сказалъ ему: «о, мой мальчикъ, это и ѣду тебѣ дастъ, и одежду тебѣ дастъ; будешь проводить свои дни въ весельѣ». Обрадовался сирота; взялъ чашку подъ мышку, пошелъ по дорогѣ.

Шелъ (шелъ), дошелъ до дома одного знакомаго; ночь провелъ тамъ. Тотъ человѣкъ сказалъ ему: «начто тебѣ эта чашка?» Сирота сказалъ: «это и ѣду дастъ и одежду дастъ». На ночь положилъ подъ голову (и) заснулъ. Тотъ человѣкъ далъ ему заснуть, подошелъ и взялъ его чашку; одну деревянную чашку положилъ на мѣсто